нуждаются в серьезной корректировке в сторону их уменьшения. Неточность этих данных явилась не столько следствием погрешностей статистики, [18] сколько стремлением определенных международных кругов путем значительного завышения численности беженцев получить в свои руки политические козыри для нагнетания напряженности в мире вокруг «афганского вопроса» и намерением пакистанских властей (главного поставщика информации о численности афганских беженцев) заполучить, кроме того, побольше гуманитарной помощи от международного сообщества. Как бы там ни было, социально-экономический и политический кризис и гражданская война, потрясшие Афганистан в последней трети XX в., заставили примерно треть его населения бежать из страны.

Афганские беженцы в Пакистане

Бóльшая часть афганских беженцев, как уже отмечалось выше, ушла в Пакистан. По прибытии в эту страну они первоначально попадали в приемные пункты, находившиеся в вéдении пакистанского Департамента по приему и расселению беженцев. Его отделения, тесно сотрудничавшие с руководством группировок афганской вооруженной оппозиции, функционировали в Читрале (на севере Пакистана), Пешаваре и Кветте. Попав в указанные пункты, беженцы примерно в течение месяца подвергались тщательной проверке с участием представителей моджахедов, регистрировались и, наконец, после получения так называемого «гозар-наме» (удостоверения личности – пропуска) распределялись по лагерям с учетом их этнической принадлежности. В гозар-наме, содержавшем десять страниц, указывались имя и фамилия главы семьи, число ее членов, а также их личное имущество и все то, что они получили в порядке неотложной благотворительной помощи от пакистанских властей.

По состоянию на середину 1985 года афганские беженцы размещались примерно в 350 (по другим данным, в 330) лагерях-деревнях, из которых 280 (80 процентов) [19] находились в Северо–Западной пограничной провинции (СЗПП), 60 (17 процентов) – в Белуджистане и 10 лагерей (около 3 процентов) – в Пенджабе. Кроме того, до 250 тыс. афганских мигрантов (из них официально зарегистрированных было лишь 18 тыс. человек) нашли убежище в различных местах провинции Синд (на юго-востоке Пакистана). Наибольшее число беженцев, осевших в СЗПП, было сосредоточено в Пешаваре, Курраме, Баджауре, Северном Вазиристане и Мардане. К примеру, в последнем и в прилегающих к нему районах, по данным на середину 1983 г., имелось 6 лагерей, в которых проживало до 325 тыс. беженцев. Пакистанские власти, чтобы избежать дальнейшей концентрации афганских беженцев в СЗПП, приступили в 1981–1982 гг. к организации лагерей и в провинции Пенджаб (близ г. Миянвали и Исахейль). Под все указанные выше лагеря–деревни отводились земли, арендованные у местных землевладельцев или пуштунских племен [20].

Подавляющее большинство беженцев (до 75 процентов) ютилось в построенных их собственными руками глинобитных лачугах, а остальные – в палатках, предоставлявшихся им, главным образом, по линии Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Состоятельные афганские мигранты (крупные бизнесмены и землевладельцы, вожди и старейшины пуштунских кланов и племен, видные мусульманские богословы, влиятельные представители прежней государственной элиты) селились в крупных городах. На вывезенные ими капиталы они покупали шикарные виллы, дома, земли и другое движимое и недвижимое имущество. И в Пакистане многие из них продолжали приумножать свое богатство, занимаясь торгово-предпринимательской и банковско-спекулятивной деятельностью, а также участием в нелегальном производстве и вывозе наркотиков.

По социальному статусу афганские беженцы разделялись на четыре основные категории: крестьяне и другие бедные слои деревни; афганские кочевники-скотоводы; представители городских средних слоев (мелкие торговцы и ремесленники, низшее чиновничество); представители имущей верхушки общества. Самой многочисленной группой

среди афганских мигрантов в Пакистане были представители крестьянства – беднейшей части афганского населения. По оценке бюро Верховного комиссара ООН, половая и возрастная структура афганских беженцев характеризовалась следующими данными: дети (до 16 лет) – 48 процентов, женщины – 28 и мужчины – 24 процента. По национальной принадлежности 80–85 процентов афганских беженцев, пришедших в Пакистан, составляли пуштуны приграничных провинций Афганистана.

Условия жизни афганских беженцев в Пакистане были крайне удручающими. К бытовой неустроенности и ужаснейшей антисанитарии, царившей в лагерях, добавлялось полуголодное существование основной массы мигрантов. Широко разрекламированная за рубежом программа гуманитарной помощи беженцам не решала, да и не могла решить, данную проблему, хотя цифровые данные относительно этой помощи впечатляли. По неофициальным данным, суммарный размер всех видов помощи, поступавшей в Пакистан для афганских беженцев, достигал в год 1 млрд. долларов США, или ежедневно – более 2,7 млн. долларов. По сведениям Верховного комиссара ООН, с начала 1980 по ноябрь 1983 года только по линии специализированных учреждений ООН, некоторых международных правительственных и неправительственных организаций через пакистанское правительство для нужд афганских беженцев было направлено различного продовольствия на общую сумму 430 млн. долларов США, в том числе 1230 тыс. т. пшеницы, 49 тыс. т. растительного масла, 5,2 тыс. т. сухого молока, 44 тыс. т. сахара и 3,35 т. чая. Предполагалось, что из данного фонда каждый беженец ежедневно будет получать 500 г. пшеницы, 30 г. растительного масла, 30 г. сухого молока, 20 г. сахара и 3 г. чая.

Однако в действительности лишь малая толика из всего этого, да и то нерегулярно, [21] доходила до адресата: значительная часть гуманитарной помощи становилась источником обогащения для многочисленных пакистанских коррумпированных чиновников (к примеру, только аппарат служащих пакистанского Комиссариата по делам беженцев насчитывал до 7 тыс. человек); другая ее часть попадала в руки жадных до наживы главарей афганской вооруженной оппозиции; третья разворовывалась лагерной администрацией. Больша́я доля поступавшей в Пакистан гуманитарной помощи, включая и продовольствие, шла на снабжение военных формирований афганских моджахедов, а также распродавалась на базарах Пешавара, Кветты и других городов страны, принося миллионные доходы пакистанским и афганским коррупционерам.

Будучи не в состоянии прожить на мизерную продовольственную и другую благотворительную помощь, около 80 процентов трудоспособного мужского населения лагерей вынуждены были покидать их пределы в поисках какой-либо работы и заработка. Как правило, это была временная и низкооплачиваемая работа. Небольшая часть мигрантов, в основном, из числа тех, кто имел какую-либо трудовую специальность, устраивалась на промышленные и хозяйственные предприятия, иногда далеко от зоны расселения своих семей – в Карачи, Мардане, Лахоре и других городах Пакистана. Среди афганских беженцев по роду их трудовых занятий заметно выделялись еще две категории людей: скотоводы и земледельцы. Первым удалось привезти с собой в Пакистан до 3-х млн. голов (в основном, мелкого рогатого) скота. Для их выпаса они использовали примыкающие к лагерям земли и пастбища, нередко вступая в конфликты с их владельцами. Вторые на землях, арендованных или захваченных у частных лиц и племен, выращивали для собственных нужд и для продажи различные сельскохозяйственные культуры. Дети и оставшаяся безработная часть обитателей лагерей ежедневно массами устремлялись на близлежащие городские базары, где занимались мелкой розничной торговлей, попрошайничеством, а иногда и воровским и бандитским промыслом. Широкое распространение в Пакистане получила деятельность афганских преступных шаек, занимавшихся угоном автомобилей, квартирными кражами, разбоем на дорогах и т.п.

Все это, вместе взятое, вызывало в Пакистане неприкрытую неприязнь и ненависть к незваным пришельцам, поскольку последние волей-неволей представали в глазах местных жителей или как иноземные конкуренты на рынке рабочей силы, или как наглые соперники обездоленных пакистанских социальных низов в борьбе за кусок хлеба насущ-

ного, или как посягатели на чужое добро и собственность, или же как еще один источник криминализации общественной жизни в стране. Что касается последнего аспекта, то картина будет неполной, если не сказать о том, что ожесточенные вооруженные разборки между различными группировками афганских моджахедов, происходившие постоянно в местах размещения их штаб-квартир, учебных центров и лагерей, ставили под серьезную угрозу жизнь и безопасность тысяч и тысяч пакистанских граждан.

Пакистанское правительство под видом решения проблемы занятости среди афганских беженцев широко привлекало их в качестве дешевой, неквалифицированной рабочей силы на строительство различных государственных инфраструктурных объектов (дорог, водохранилищ, ирригационных систем, линий связи и т.п.), называя их для пущей важности «жизненно необходимыми для беженцев стройками». Афганских мигрантов использовали в своих корыстных интересах и международные контрабандисты и наркодельцы из числа главарей афганской вооруженной оппозиции, разместившие свои центры, базы и лаборатории преимущественно в районах Пешавара, Читрала и перевала Ланди Коталь, т.е. там, где обитала значительная часть мигрантов.

Жизнь в глинобитных лачугах и палатках при 50-градусной жаре летом и холоде и повышенной влажности зимой, ужасающая перенаселенность, отсутствие элементарных санитарно–гигиенических условий, полуголодное существование и нехватка питьевой воды (о ее качестве говорить не приходится), – все это порождало острые и хронические заболевания. Среди них самыми распространенными являлись туберкулез, холера, малярия, тиф, коклюш, ревматизм и др. По оценке Всемирной организации здравоохранения, туберкулезом страдала 1/3 всех афганских беженцев в Пакистане. Самое прискорбное состояло в том, что около 100 больниц и 200 аптек, имевшихся в лагерях и открытых на средства различных международных благотворительных фондов и организаций, практически были не в состоянии оказать необходимую врачебную помощь всем страждущим, не говоря уже о том, чтобы снизить пороги заболеваемости и остановить дальнейшее распространение инфекционных болезней среди афганских мигрантов. Повсеместно не хватало лекарств, а уровень квалификации медперсонала был крайне низок.

Иначе обстояло дело с медицинским обслуживанием и лечением афганских моджахедов. В СЗПП и Белуджистане они пользовались услугами 200 клиник и медицинских пунктов и десяти стационарных госпиталей с медицинским персоналом в 2000 человек, организационно входивших в штаты медицинской службы вооруженных сил Пакистана [22]. Следует также отметить, что западная медицинская помощь (новейшее оборудование и квалифицированные «врачи–добровольцы») направлялась, в основном, не в лагеря беженцев, а в центры и на базы афганской вооруженной оппозиции для лечения больных и раненых моджахедов и их главарей. Для этих целей в Пешаваре и Кветте на средства западных и региональных спонсоров был создан ряд клиник и больниц, оснащенных самым современным медицинским оборудованием, позволявшим делать нейрохирургические и другие сложные операции и оказывать высококвалифицированную ортопедическую помощь. В частности, в Пешаваре находились больницы Международного Красного Креста на 50 коек, Красного Полумесяца Кувейта на 12–15 мест и поликлиника Красного Полумесяца Саудовской Аравии. Немалое число «борцов за свободу», получивших ранения в ходе диверсионных рейдов вглубь Афганистана, направлялись на лечение в страны Западной Европы, США, Австралию, Японию.

В лагерях афганских беженцев в Пакистане существовала и еще одна тяжелая социальная проблема – почти поголовная неграмотность. Согласно данным Верховного комиссара ООН, она составляла 95,5 процента от всех обитателей лагерей, в том числе среди мужчин – 93 и женщин – 98 процентов. Чрезвычайно высокой она была и среди детей школьного возраста.

Пакистанские спецслужбы и правые религиозные круги страны вкупе с группировками афганской вооруженной оппозиции, преследуя сугубо политические цели, постарались поставить под свой полный контроль всю систему школьного образования в лагерях. Особенно рьяно за это взялась крайне правая религиозно-политическая организа-

ция Пакистана «Джамаат-и ислами». Ее усилиями уже к началу 1981 года на средства, полученные из-за рубежа, главным образом, из арабских стран Персидского залива через «Банк Омана», было открыто в лагерях афганских беженцев 440 школ (медресе) [23], где стали проходить духовное (проваххабитское) воспитание будущие «воины ислама», составившие в середине 90-х годов костяк экстремистского движения «Талибан». Учебные пособия и учебники для этих школ готовились под непосредственным руководством и контролем министерства образования Пакистана и организации «Джамаат-и ислами» и издавались на средства ООН и международных благотворительных фондов.

Через год только в СЗПП действовала уже 531 школа, из которых 460 были начальными, 70 – средними и одна – высшей средней школой (11–12 классы). В указанных школах в 1984 году преподавание вели 2218 пакистанских, египетских, саудоаравийских и афганских учителей и наставников (в том числе 105 женщин) и обучался 80 381 человек, что составляло не более 11 процентов от общего количества детей мигрантов, проживавших в данной провинции [24]. Основными предметами обучения в этих школах, начиная с первого класса, были чтение Корана, религиозные обряды и ритуалы, история ислама, суть и принципы джихада против кабульских «коммунистических» властей и советских оккупантов.

Небольшое число молодых людей (по данным на середину 1984 г., около 200 человек), принадлежавших к состоятельным кругам афганских мигрантов, были приняты в пакистанские университеты на основе стипендий, выделенных им по линии ООН. Еще одна часть афганской молодежи из богатых семей была направлена на учебу (в основном, на свои средства) в США, страны Западной Европы, Японию и Австралию (в 1982 году их было 109 человек). Кроме того, в Пакистане функционировали курсы по подготовке учителей из числа афганских беженцев, а также в ряде лагерей, где были сосредоточены этнические узбеки и туркмены, – финансируемые ООН и пакистанском правительством курсы ковроделов, ювелиров и ручного шитья [25].

Лагеря афганских мигрантов в Пакистане представляли собой своеобразные резервации со строго регламентированными «сверху» внутренней жизнью, бытом, нравами и порядками. Кроме пакистанской администрации (должностных лиц Комиссариата по делам беженцев и полицейских чинов), в них «правили» те или иные группировки афганской вооруженной оппозиции, зависимые от них советы старейшин и избираемые последними малики. Вокруг лагерей располагались усиленные пакистанские полицейские посты. Огромным влиянием в лагерях пользовалось и продолжает пользоваться мусульманское духовенство, представленное, как правило, муллами-ортодоксами. Идейно–политический контроль над обитателями лагерей с самого начала их появления в Пакистане взяла на себя уже упоминавшаяся выше крайне правая пакистанская религиозно–политическая организация «Джамаат-и ислами».

Психологический прессинг (прежде всего с минбаров мечетей) на глубоко религиозных обитателей лагерей особенно усилился с приходом к власти в Кабуле моджахедов. С этого времени главным тезисом воздействия на умы и настроения обездоленных беженцев стало упорное навязывание им мысли о том, что во всех их бедах, страданиях, в потере близких и родных виноваты исключительно «шоурави» (советские) и русские. Факты, поступающие из лагерей беженцев в Пакистане, показывают, что духовникам-ортодоксам и пакистанским спецслужбам, к сожалению, удалось глубоко внедрить в сознание афганских мигрантов такого рода представления о причинах их несчастий [26].

Афганская вооруженная оппозиция, располагая безграничной властью и влиянием в лагерях, превратила их не просто в свою вотчину, но и надежную базу и резерв для пополнения людским составом своих боевых отрядов. С этой целью главари различных антиправительственных группировок время от времени в директивном порядке устанавливали для контролируемых ими лагерей определенные квоты на выделение очередных партий рекрутов. Насильственному рекрутированию подлежали прежде всего лица мужского пола в возрасте от 16 до 35 лет. За участие в джихаде против «безбожного» Кабула и советских войск им обещалось богатое вознаграждение в твердой валюте, [27] посту-

павшей для этих целей от щедрых западных и региональных доноров – США, Саудовской Аравии, ОАЭ и некоторых других стран. Пакистанские власти, чтобы еще больше усилить зависимость беженцев от афганской вооруженной оппозиции, в октябре 1984 г. приняли решение передать в ее ведение все медицинские учреждения, предназначенные для лечения обитателей лагерей [28].

Присутствие афганских беженцев и афганской вооруженной оппозиции на земле Пакистана, вопреки намерениям его правительства и спецслужб использовать афганский фактор для реализации в регионе своих амбициозных, далеко идущих геополитических планов и расчетов, не только не принесло ожидаемых результатов, но, наоборот, значительно содействовав усилению политической напряженности и нестабильности в пакистанском обществе, обернулось на деле огромными потрясениями в устоях государственной власти в стране и судьбе ее верховных правителей (вспомним хотя бы судьбу генерала Зия-уль-Хака).

Афганские беженцы в Иране и других странах региона и мира

Как уже отмечалось выше, к концу 80-х годов XX в. в Иране, в силу разных причин и факторов, в основном, социально-экономического и военного характера, оказалось свыше 2 млн. афганских беженцев, в том числе в Хорасане – более 750 тыс. и в Систане и Иранском Белуджистане – не менее 250 тыс. человек [29]. Основными районами их расселения являлись Мешхед, Тегеран, Кум, Исфаган, Тайебат, Захедан, Шираз, Бендер–Аббас и некоторые другие места.

По социально-классовому составу афганские беженцы в Иране были представлены, главным образом, крестьянами, сельскохозяйственными рабочими, мелкими деревенскими и городскими ремесленниками и торговцами, безработными рабочими, а также состоятельными лицами из числа крупных землевладельцев, торговцев, духовенства и высокопоставленных чиновников прежних режимов. Численность последних значительно увеличилась с приходом в Кабуле к власти левых сил в апреле 1978 г. Среди мигрантов было много молодежи – выходцев из социальных низов. По национальности заметную часть афганских беженцев составляли таджики, хазарейцы, персы, белуджи и отчасти пуштуны из районов Герата, Хазараджата, Бадгиса, Бамиана, Гора, Фараха и Нимруза, а по религиозной принадлежности – в основном, шииты. Следует заметить, что из провинции Нимруз в Иран ежегодно уходили десятки тысяч сельских жителей из-за сезонных наводнений в низовьях р. Гильменд и в низменных местах, примыкающих к озерам Систана. Почти все беженцы из Нимруза оседали в городах Заболь, Захедан и некоторых других на юго-востоке Ирана. Подавляющая часть афганских мигрантов, уходивших в эту страну, не имела паспортов или иных документов, подтверждавших их личность.

В Иране, в отличие от Пакистана, большинство афганских беженцев, как и прежде, в начале 70-х годов, селилось не в лагерях, а по всей стране, на городских бедняцких окраинах. Богатые же афганские мигранты обосновывались в крупных городах, как правило, в центре, на западе и северо-востоке Ирана, где приобретали шикарные виллы и квартиры. Что касается афганских «нарушителей границы» из беднейших слоев населения (так их еще с 70-х годов называла иранская пресса), то они, чтобы заработать себе на жизнь и обеспечить существование своих семей, брались за любую, в том числе и самую тяжелую и непрестижную работу. Чаще всего они использовались в качестве дешевой рабочей силы в промышленности, строительстве и ремесленном производстве, в сфере быта и обслуживания, на сельскохозяйственных работах и в животноводстве. Значительная часть мигрантов занималась мелкой торговлей, кустарными промыслами, контрабандой, переброской и торговлей наркотиками (героином, чарсом, опиумом и др.) и разбоем [30]. Среди них было немало профессиональных убийц и грабителей.

В начале 80-х годов иранские власти приняли решение собрать афганских беженцев со всей страны и разместить их в специальных лагерях. Цели этого решения состояли в